

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-22-26
УДК 81'373.613

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ
КАК ДВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССА
В ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

© Лариса Гордеева

**INTERFERENCE AND ASSIMILATION
AS TWO LINGUISTIC PROCESSES
IN THE LANGUAGE OF A. PUSHKIN
(BASED ON THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)**

Larisa Gordeeva

Borrowing foreign words is an ongoing process that characterizes the historical development of language. In Russia, of interest are the 18th – 19th centuries, distinguished by significant transformations in the field of language and literature, in particular the formation of common linguistic norms that originated from the prose of the bilingual author A. Pushkin, a novelist and a poet, a critic and a publicist. The study of the vocabulary of this period concerns group bilingualism, in which a structural unit simultaneously becomes an element of two contacting systems - Russian and French, when the indispensable knowledge of the latter is a specific feature of the representative of the historical era under consideration. Bilingualism has a direct impact on the process of enriching the Russian language, therefore, under the conditions of diglossia, A. Pushkin's individual bilingualism presents interest in the study of French lexemes, since it is known that in the consciousness of a person who speaks two languages, one sign changes under the influence of the other, in particular, the assimilation of French words is influenced by the native Russian speech. Occasional lexical neologisms that initially appear in a bilingual environment, gradually, are widely used by society, becoming a part of the national speech. The writer's texts make it possible to determine the degree of influence that French speech exerts on the Russian literary norm, changing the rules for the use of one language under the influence of the other, which is a consequence of the linguistic interference of heterogeneous systems under conditions of bilingualism. This study, based on the thesauri and works of the author at different times, shows phonographic, grammatical, lexical, semantic and stylistic changes in linguistic units from the end of the 18th to the first half of the 19th centuries in the context of interactions between two heterogeneous systems and the general linguistic process of the russification of foreign words.

Keywords: interference, assimilation, mixing, Europeanism, gallicism.

Заимствование иностранных слов – это непрерывный процесс, который характеризует историческое развитие языка. В России интерес представляют XVIII–XIX вв., отличающиеся значительными преобразованиями в области языка и литературы, в частности формированием единых лингвистических норм, родоначальником которых является прозаик и поэт, критик и публицист, автор-билингв А. С. Пушкин. Изучение словарного состава данного периода касается группового двуязычия, при котором структурная единица оказывается элементом двух контактирующих систем одновременно – русской и французской, где непереносимое знание последней становится своеобразной чертой представителя рассматриваемой исторической эпохи. Двуязычие оказывает непосредственное влияние на процесс обогащения русского языка, поэтому индивидуальный билингвизм А. С. Пушкина в условиях диглоссии, безусловно, представляет интерес при исследовании французских лексем, так как известно, что в сознании личности, владеющей двумя языками, происходит изменение одного знака под влиянием другого, в частности на ассимиляцию французских слов оказывает воздействие родная русская речь. Окказиональные лексические неологизмы, появляющиеся первоначально в билингвальной среде, постепенно начинают широко применяться обществом, становятся частью национальной речи. Тексты писателя во многом позволяют определить степень влияния французской речи на русскую литературную норму, изменения правил употребления одного языка под воздействием другого, что является следствием лингвистической

интерференции неоднородных систем в условиях билингвизма. В настоящем исследовании на материале одновременных тезаурусов и произведений автора показаны фонографические, грамматические, лексические, семантические, стилистические изменения языковых единиц с конца XVIII по первую половину XIX в. в условиях взаимодействия двух неоднородных систем и с учётом общего лингвистического процесса русификации иностранных слов.

Ключевые слова: интерференция, ассимиляция, смешение, европеизм, галлицизм.

Французская лексика является самым многочисленным классом среди заимствований западноевропейского происхождения первой половины XIX в. В этот период лингвистическая единица становится элементом двух контактирующих систем одновременно и в процессе взаимодействия при сохранении форм собственного языка перенимает особенности принимающей страны, вследствие чего возникает варьирование как семантического комплекса, так и грамматических, фонетико-графических форм. Материал, отражающий индивидуальную интерференцию билингва А. С. Пушкина на разноуровневых этапах ассимиляции лексем в связи с особенностями рассматриваемой эпохи, оказывается частью коллективного применения субституты, поэтому авторское функционирование может рассматриваться только в отношении к общезыковой тенденции русификации иностранных слов, регулируемых нормами употребления принимающей стороны (семантическими, морфологическими, звуковыми и др.).

Лингвистический процесс заимствования новых единиц, как правило, отражает направление языковых контактов, что касается французского влияния в творчестве А. С. Пушкина, то это приводит к формированию конкретных тематических групп. Так, по частоте использования наименований понятийно-предметной области у автора преобладают номинации государственной и бытовой сферы. При этом научная лексика, как правило, является результатом калькирования (на это обращает внимание А. А. Реформатский [Реформатский, с. 53]) и чаще сохраняет значение языка-донора, в то время как количественные изменения в текстах писателя свойственны военным названиям, которые меняют семантический комплекс посредством детерминологизации определения прототипа в бытовую или строительно-транспортную сферу. Ослабление влияния французского языка в конце XIX – начале XX вв. приводит к архаизации некоторых значений галлицизмов, функционирующих с различной степенью интенсивности в пушкинскую эпоху. Во многих случаях закрепляется сема, которая наиболее частотна в произведениях А. С. Пушкина в первой трети XIX в. Следует отметить, что длительное сохранение определения прототипа может быть также связано с кол-

лективным билингвистическим мышлением, когда память сохраняет устаревший концепт и не воспринимает новый.

Авторские комментарии в произведениях приспособливают иноязычное слово к лексической системе русского языка и отражают общепринятые принципы семантической русификации иностранных единиц [Виноградов, с. 166 – 169]. Это могут быть: объяснение коррелята через словарную статью (*презент* – первый кус); пояснение отечественной лексемы заимствованием или нетранслитерированным элементом (каторга – *галера*) или, напротив, французского вкрапления, галлицизма, – русским или адаптированным соответствием (*Patronage* – покровительство, *кредит* – доверенность), введением в синонимический ряд (*Bon-mot* – двусмыслие – *каламбур*), использованием текстовых сопровождений.

Индивидуальная интерференция двух контактирующих лингвистических систем, тождественное функционирование русской и французской речи находит отражение в языке писателя в появлении незафиксированных в тезаурусах лексических и семантических неологизмов (*презент* – ‘подарок’, *патрон* – ‘покровитель’, *портрет* – ‘описание внешности’, *комедия* – ‘история, содержащая смешное’, *роль* – ‘изображать кого-нибудь’, ‘быть кем-то’ и др.); в создании окказионализмов (*прюдство*). Интерпретирование может быть связано также с конкретной художественной задачей писателя войти в диалог с читателем (в этих случаях автор иногда прибегает к риторическим вопросам, поясняя то или иное заимствование: *фискалам* (*шпионам?*), *корпусными детьми* (*кадеты?*), *Мусс* (*Mouss?*)) или желанием уточнить значение нового слова-полисеманта (*комиссар* (*приказчик*), *комиссар*, *т. е. сановник*; *журналисты*, *т. е. entrepreneurs*; *то, что французы называют*).

В структурном плане фонографическая поливариантность в первой половине XIX в. сокращается. Так, без изменений остается субституция гласных. Изменениям подвергаются французские а, â, е, é, ê, î, о, ô, u, y, которые при освоении в языке-реципиенте подвергаются вариациям е / э, и / е, а / о, о / у, u / е. Как правило, е (é) → е / э, î → – е / у / ы, о (ô) → о / у / а. Согласные звуки [s] и [с] образуют в принимающем языке оппозици-

онный ряд с русскими [с], [з], [ц]: $s \rightarrow c / з, c \rightarrow c / ц$; фонемы могут находиться как в середине слова (*censura* → *цензура* / *ценсура*), так и в конце (*stance* → *станс* / *станц*, *valse* → *вальс* / *вальц*). Хотя версия *вальц* у Пушкина не встречается, однако в тезаурусах он датирован 1803 г. [Словарь русского языка XVIII в., вып. 2, с. 210] (далее – СРЯ XVIII). Сочетания на русской почве заимствуются следующим способом: *ntia* / *pce* / *pces* → *нс* / *нц*, *th* → *т* / *ф*, *ti* → *ти* / *си* / *ци*, *sz* → *с* / *ш*, *ie* → *ь* / *я* / *ие* / *иэ*, *ill/illi/li* → *ли* / *ль*. В соединении с *i* (*ill* / *illi* / *li*) разновидность с -ль- чаще употребляется у автора в косвенных падежах при приложении или во мн. ч.: Р. п. *батальона-каре*; В. п. *батальон-каре* и *батальон-каре*; Р. п. мн. ч. *гальотов*. Также возможны употребления Р.п. ед. ч.: *батальона* и *баталиона*, Р.п. мн. ч.: *батальонов* и *баталионов*; П.п.: *на биллиарде* и *на бильярде*. В то же время в именительном падеже количество модификаций сокращается и чаще сводится к проявлению норм современной орфографии или отмечается сохранение звука [и]: *бильярд*, *баталья* и *баталия*, *баталион*, *галиот*, *почталион* и др. Нестабильность в первой половине XIX в. продолжают испытывать слова французского источника с сегментом-субститутутом *ie* в И. п. и В. п.: *rièse* → *пъеса*, *пие-са*, *пиэса* и *пъэса*; В. п. *пъесу*, *пиесу* и *пиэсу*; И. п. мн.ч. *пъесы* и *пиэсы*; В. п. мн.ч. *пиэсы*, *пъэсы* и *п<иесы>*. В других падежах может присутствовать дублетность, наряду с регулятивными правилами оставление *и*: Р. п. *пъесы* и *пиэсы*, Д. п. *пъесе*, Р. п. *пъес* и *пиэс*, П. п. *в пъесах*. Ср.: *arrieregarde* → И. п. *арьергад*, *арриергад*, *аррьергад*, *арьер-гад*; В. п. *ариергад*, *арриергад* и *арьер-гад*; Р. п. *ариергарда*, Д. п. *ариергарду*, Т. п. *аррьергардом*, П. п. *в ариергарде* и *арриергарде*. В том числе у автора-билингва языковая интерференция может приводить к смешению архаизированных и новых моделей слова в одном произведении: *гальотов* – *галиот* («История Петра I»), *менуэт* – *менуэт* – *минавет* («Арап Петра Великого»), *фронт-фрунт*, *каре-карея*, *ариергад* – *арриергад* – *арьергад* («Записки бригадира Моро-де-Бразе»).

Следует отметить, что ассимиляция французских звуков в рассматриваемый период происходит с позиционными и комбинаторными изменениями, можно также отметить тенденцию к консервации звука [и]. Семантическая дифференциация с отмеченными субститутами намечается у фр. *taille*, где *талия* – «наиболее узкая часть туловища между грудью и животом, пояс; часть туловища от плеч до пояса, стан», а *талья* – «в карточной игре – круг игры до окончания колоды у банкрота или до срыва банка» [Словарь

языка Пушкина, т. 4, с. 475–476], *théâtre*: если *театр* – «помещение, сцена, представление», то *феатр* только «помещение» [Там же, с. 487]; грамматическое разделение: П. п. *в станцах* – Р. п. *станса*, И. п.мн. ч. *стансы*, В. п. *ста'нсы* и *Стансы*. В рассматриваемый период сохраняется вариативность при передаче удвоенных -лл-, -рр- и -фф-, которая наблюдается, как правило, в позиции между гласными [а] и [е] – *carre* (*каре* / *каре*), *galerie* (*галерея* / *галерея*), *effectus* (*эфект* / *эффект*) и др.; колебаниям подвержены европеизмы, имеющие различные источники, или французские лексемы с указанными буквами. Слова, характеризующиеся значительным периодом адаптации или побуквенной передачей слова языка-источника, закрепляются по французскому прототипу.

В пушкинский период также стабилизируется категория падежа и рода иностранных слов. Субститут французского источника, как правило, русифицируется следующим способом: -tion, -tio → -ция (ж. р.); -tia → -ция, -тия (ж. р.); -ent, -ant → -ант (м. р.); -ot → -от (м. р.); -isme → -изм (м. р.); -iste (м. р. и общего р.) → -ист (м. р.); -eur, -ier → -ёр (м. и ж. р.). Вместе с тем наличие конечного -е после согласных [н] и [т] в рассматриваемый период может привести к оппозиции в русском языке ж. и м. р.: *quarantaine* → *карантин* и *карантина*, *toilette* → *туалет*, *côtelette* – *котлета*.

Грамматические категории и орфографический облик заимствований у А. С. Пушкина не всегда соответствуют данным лексикографических изданий конца XVIII – первой половины XIX в. Например, лексема *туалет* в Словаре церковно-славянского и русского языков (далее – СЦСРЯ) отмечена как сущ. женского рода [СЦСРЯ, с. 303]. У лексемы *бильярд* в 1789 г. в первом издании Словаря Академии Российской [Словарь Академии Российской, т. 1, с. 169] и во втором издании 1806 г. [Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, т. 1, с. 187], как и в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля [Даль, т. 1, с. 87], нормативным признается вариант *билиард*, при этом у автора-билингва *биллиард* и *бильярд*. Следует также отметить, что лексикографические издания по-разному отмечают не только фонографический облик слова и значение заимствований, но и нетранслитерированные эквиваленты, особенно при наличии удвоенных согласных. Так, в разных тезаурусах отмечен нем. посредник *Gallerie* и *Galerie* [СРЯ XVIII, вып. 5, с. 84]; [Фасмер, т. 1, с. 386] и др.

Таким образом, как отмечает Э. Хауген, полная интеграция кодов при частом их повторении

может стать нормой [Хауген, с.69–70], что мы и наблюдаем в текстах А. С. Пушкина.

Вместе с тем изучение смешения речевых кодов в сознании автора-билингва, переключения с одного языка на другой в письменной речи приводит к следующим выводам: текстовый материал иллюстрирует нам как присоединение неассимилированного элемента в конце предложения: *Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre.* (Письмо В. П. Горчакову. Октябрь-ноябрь 1822 г. Из Кишинева в Гура-Гальбин) [Пушкин, с. 401], так и полную смену языка, вставки инородного слова в середине фразы *Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? pour réveiller le chat qui dort? Напрасно.* (К. Ф. Рылееву. Вторая половина июня – август 1825 г. Из Михайловского в Петербург) [Там же, с. 442]. При этом иностранные слова в середине предложения чаще являются пейоративными комментариями, именами или прямой (косвенной) речью. Переключение между фразами в тексте обычно вносится в начале или в конце абзаца: *Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement. ... Что же «Телеграф» обетованный?* (Письмо П. А. Вяземскому. 19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву) [Там же, с. 426]. Вкрапление у Пушкина применяется также при использовании фразеологизмов, абстрактных понятий (*este un tour de force* и др.), отсутствующих в родном языке.

В то же время нельзя не отметить, что исследование французских языковых единиц в указанный период на материале других источников могут привести к альтернативным выводам. Рассматриваемая в исследовании проблема ассимиляции и интерференции лексем в конце XVIII – первой половине XIX в. на материале произведений А.С. Пушкина многогранна и неисчерпаема, выделяется ряд направлений, посвящённых тщательному изучению авторских морфологических вариантов, особенностям словообразования других частей речи (глаголов, прилагательных и др.) и т. д. Безусловно, что дальнейшая разработка аспектов функционирования французских лексем представляет несомненный интерес для расширенного и углубленного изучения.

Список литературы

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 534.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык. Т.1. 1989. 699 с.

Пушкин А. С. Мысли о литературе / Вступ. статья М. П. Еремина, примеч. М. П. Еремина и П. М. Еремина. М.: Современник, 1988. 639 с.

Словарь Академии Российской: в 6 ч. Издание 1. СПб.: При имп. Акад. наук. Ч.1. 1789. 1140 стб.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. Издание 2. СПб.: Имп. Акад. наук. Ч.1. 1806. 1310 стб.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-9. Вып.2. Л.: Наука, 1985. 247 с.; Вып.5. Л.: Наука, 1989. 255 с.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. Т.4. 1961. 1054 с.

Словарь церковно-славянского и русского языков, сост. СПб: Императорская Академии Наук, 1847. Т. 4. 487 с.

Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс. Т.1. 1986. 576 с.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С.61–80.

References

Dal, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in Four Volumes]. T. 1, 699 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. T. 1. 576 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Khaugen, E. (1972). *Iazykovoi kontakt* [Language Contact]. *Novoe v Lingvistike. Vypusk 6. Iazykovye kontakty*, pp. 61–80. Moscow, Progress. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1988). *Mysli o literature* [Thoughts about Literature]. 639 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 ch. (1789) [Dictionary of the Russian Academy: In Six Parts]. Ch.1, 1140 columns. St. Petersburg. Pri Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

Slovar' Akademii Rossiiskoi po azbuchnomu poriadku raspolzhenyi: v 6 ch. (1806) [The Russian Academy Dictionary Given in the Alphabetical Order: In Six Parts]. Ch. 1, 1310 stb. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

Slovar' russkogo iazyka XVIII veka (1989) [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vyp. 1 – 9. Vyp. 2. 247 p. Vyp. 5. – 255 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Slovar' iazyka Pushkina: v 4 t. (1961) [Dictionary of Pushkin's Language: In Four Volumes]. T. 4, 1054 p. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei. (In Russian)

Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazykov, sost. (1847) [Dictionary of the Church Slavonic and Rus-

sian Languages, Comp. by St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences]. T. 4, 487 p. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademii Nauk. (In Russian)

Reformatskii, A. A. (1961). *Chto takoe termin i terminologiya. Voprosy terminologii: materialy Vsesoiuznogo terminologicheskogo soveshaniia*. [What is a Term and Terminology. Issues of Terminology: Mate-

rials of the All-Union Terminological Meeting]. Pp. 46–54. Moscow, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1982). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII – XIX vekov*. [Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th –19th Centuries]. 529 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 04.02.2021

Поступила в редакцию 04.02.2021

Гордеева Лариса Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lp-gordeeva@mail.ru

Gordeeva Larisa Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lp-gordeeva@mail.ru